

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФА

К. Олимов

Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан
e-mail: olimovk_2007@mail.ru

В.А. Бажанов

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Б.В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: b.markov@spbu.ru

А.М. Максимов

Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Р.Ю. Рахматуллин

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: rafat54@mail.ru

И.А. Беляев

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: igorbelyaev@list.ru

Г.Л. Тульчинский

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gtul@mail.ru

С.Н. Некрасов

Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия
e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

А.И. Столетов

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: aistoletov@gmail.com

***Аннотация.** В рамках круглого стола обсуждалась многомерная проблема самоопределения философа, обладающая весьма высокой актуальностью. К. Олимов, поднимающий вопрос о самоопределении философа, отмечает, что данный процесс разворачивается под влиянием множества внутренних и внешних факторов. Указывая мыслителей, являющихся эталонами достойного самоопределения, он ориентирует философов наших дней на то, чтобы быть объективными исследователями и духовными наставниками своих современников. В.А. Бажанов, размышляя о важности самоопределения для философа, подчеркивает, что оно обретает особую актуальность под влиянием политических факторов. Поднимая проблему востребованности философа и делаясь собственным опытом философской деятельности, он сопоставляет специфические черты советской и постсоветской действительности. Б.В. Марков сосредоточился на актуальных проблемах самоопределения философа. К их числу он относит: особенности связи философии с национальной культурой; кризис метафизики и онтологии, порождающий плюрализм когнитивных практик; трансформации техник философствования, обусловленные существенными изменениями реалий коммуникативной культуры; актуализацию дискурсов критической теории в условиях коммуникативного унижения. А.М. Максимов, рассматривающий философствование как атрибут самоопределения челове-*

ка, пишет о его «обреченности» на смыслосложившиеся размышления вне зависимости от присущего ему культурно-образовательного уровня. Он полагает, что многомерность самого человека и процесса его самоопределения детерминирует сложность, неоднозначность установления гармоничных отношений со своим окружением с сохранением самого себя, своих способностей жить честно, неся в мир истину, добро и справедливость. Р.Ю. Рахматуллин, сфокусировавший внимание на проблеме философской идентичности, связывает ее с предметным полем философии. Контурно очерчивая границы философской идентичности, он предлагает признать ее маркерами общезначимости философских идей, их мировоззренческий статус и критичность. И.А. Беляев, осуществляющий дифференциацию богочеловеческого и человекобожеского в самоопределении философа, подчеркивает, что его рассуждения касаются лишь подлинных мыслителей, посвятивших свою жизнь постижению и обретению смыслов. Обозначая два альтернативных пути самоопределения философа, он характеризует их ключевые особенности. Г.Л. Тульчинский, соотносящий философию с наукой, показывает, что в рамках первой из них конечное существо пытается понять бесконечный мир. Трактую философию как этос и самоопределение, он обращает внимание на ее вне- и надприродность и постулирует пять проистекающих отсюда последствий: философия есть свобода выбора; она представляет собой индивидуально неповторимое осмысление действительности; философ обретает возможность понять и судить этот мир, погружаясь в его контекст; философствование исчерпывающим образом постигает смыслы бытия при наличии богатой палитры выразительных возможностей. С.Н. Некрасов исходит из того, что философия есть либо отражение мира, либо его конструирование, либо чтение, синтезирующее в себе первое и второе. В своих рассуждениях он стремится показать, что самоопределение философа – это выбор стратегии чтения, в рамках которого наиболее сложной ему видится операция импутации, то есть отнесение идей устройства мира к их социальным основаниям и классовым интересам. А.И. Столетов в своих размышлениях опирается на представления о том, что сейчас наступила эпоха второго «осевого времени», в связи с чем философия оказалась на грани распада, а ее самоопределение стало возможным в связи с выявлением и преодолением границ. Философ, стремящийся сегодня самоопределиваться, вступает в экзистенциальную коммуникацию, полилог с самим собой, иной личностью, миром и Богом без гарантии осуществления этих процессов.

Ключевые слова: богочеловеческий путь самоопределения философа, востребованность философа, импутация, проблемы самоопределения философа, самоопределение, философ, философская идентичность, философские этос, философствование, человекобожеский путь самоопределения философа, чтение, экзистенциальная коммуникация.

Для цитирования: Олимов К. Самоопределение философа / К. Олимов, В.А. Бажанов, Б.В. Марков, А.М. Максимов, Р. Ю. Рахматуллин, И.А. Беляев, Г.Л. Тульчинский, С.Н. Некрасов, А.И. Столетов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 98–113. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-98.

SELF-DETERMINATION OF PHILOSOPHER

K. Olimov

Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
e-mail: olimovk_2007@mail.ru

V.A. Bazhanov

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia
e-mail: vbazhanov@yandex.ru

B.V. Markov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: b.markov@spbu.ru

A.M. Maximov

Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

R. Yu. Rakhmatullin

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
e-mail: rafat54@mail.ru

I.A. Belyaev

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: igorbelyaev@list.ru

G.L. Tulchinsky

St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia
e-mail: gtul@mail.ru

S.N. Nekrasov

Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, Russia
e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

A.I. Stoletov

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
e-mail: aistoletov@gmail.com

Abstract. *Within the framework of the correspondence round table, the multidimensional problem of the philosopher's self-determination was discussed, which has a very high relevance. K. Olimov, raising the question of the philosopher's self-determination, notes that this process unfolds under the influence of many internal and external factors. Pointing to thinkers who are the standards of worthy self-determination, he orients the philosophers of our day toward being objective researchers and spiritual mentors of his contemporaries. V.A. Bazhanov, reflecting on the importance of self-determination for the philosopher, stresses that it acquires special relevance under the influence of political factors. Raising the problem of the need for a philosopher and sharing his own experience of philosophical activity, he compares the specific features of the Soviet and post-Soviet reality. B.V. Markov focused on the actual problems of self-determination of the philosopher. Among them are: the peculiarities of the connection of philosophy with the national culture; the crisis of metaphysics and ontology, generating pluralism of cognitive practices; transformations of philosophizing techniques caused by significant changes in the realities of communicative culture; Actualization of critical theory discourses in the context of communicative humiliation. A.M. Maksimov, who considers philosophizing as an attribute of a person's self-determination, writes about his "doom" for meaningful life thoughts, regardless of his cultural and educational level. He believes that the multidimensionality of the person himself and the process of his self-determination determines the complexity, ambiguity of establishing harmonious relations with his environment while preserving himself, his abilities to live honestly, bringing truth, goodness and justice into the world. R. Yu. Rakhmatullin, who focused on the problem of philosophical identity, connects it with the subject field of philosophy. Contouring the boundaries of philosophical identity, he proposes to recognize as its markers the validity of philosophical ideas, their ideological status and criticality. I.A. Belyaev, carrying out the differentiation of the divine-human and human-godly in the self-determination of the philosopher, stresses that his reasoning concerns only genuine thinkers who have dedicated their lives to comprehending and finding meanings. Denoting two alternative ways of self-determination of the philosopher, he characterizes their key features. G.L. Tulchinsky, who relates philosophy to science, shows that within the framework of the first of these, the finite being tries to understand the infinite world. In interpreting philosophy as ethos and self-determination, he draws attention to its out-of-nature and supernaturalism and postulates the five consequences that flow from this: philosophy is freedom of choice; it is an individually unique reflection on reality; the philosopher has the opportunity to understand and judge this world, plunging into its context; philosophizing exhaustively comprehends the meanings of being with a rich palette of expressive possibilities. S.N. Nekrasov proceeds from the fact that philosophy is either a reflection of the world, or its construction, or reading, synthesizing the first and second in itself. In his reasoning, he seeks to show that the philosopher's self-determination is the choice of a reading strategy, within the framework of which the operation of imputation is the most difficult for him, that is, attributing the ideas of the structure of the world to their social bases and class interests. A.I. Stoletov, in his reflections, relies on the idea that the era of the second "axial time" has now arrived, in connection with which philosophy has found itself on the verge of collapse, and its self-determination has become possible due to the identification and overcoming of boundaries. A philosopher who strives today for self-determination, enters into existential communication, is a lover with himself, another person, the world and God without the guarantee of the implementation of these processes.*

Keywords: *the divine-human path of the philosopher's self-determination, philosopher's relevance, imputation, philosopher's problems of self-determination, self-determination, philosopher; philosophy, philosophical identity, philosophical ethos, philosophizing, philosopher's self-determination, self-determination, reading, existential communication.*

Cite as: Olimov, K., Bazhanov, V.A., Markov, B.V., Maksimov, A.M., Rakhmatullin, R. Yu., Belyaev, I.A., Tulchinsky, G.L., Nekrasov, S.N., Stoletov, A.I. (2019) [Self-determination of Philosopher]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 3, p. 98–113. DOI: 10.25198/2077-7175-2019-3-98.

Философский круглый стол, материалы которого представлены ниже, был организован по инициативе редакции журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции» как органическое продолжением ранее проведенного круглого стола «Честное философствование» [22]. В круглом столе приняли участие философы из г. Душанбе (Республика Таджикистан), Ульяновска, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Уфы и Екатеринбурга. Подготовленные ими материалы содержат информацию о различных аспектах проблемы самоопределения философа. Темы отдельных рассуждений сформулированы их авторами – участниками круглого стола.

К. Олимов

«К вопросу о самоопределении философа»

Самоопределение каждого человека, в данном случае – философа, есть, прежде всего, определенная позиция по всем важнейшим проблемам бытия. Формирование позиции зависит от ряда факторов, как внешних, так и внутренних, морально-этических, которые дают импульс самоопределению по отношению к тем или иным процессам и явлениям. Анализ истории философской мысли свидетельствует о том, что позиция философа детерминируется конкретно-жизненными ситуациями, его социальным статусом и т.д. Много здесь проистекает из научного, политического интереса, идеологического настроения и личностных качеств исследователя. Можно согласиться с Н.В. Мотрошиловой в том, что «фактически исследовательский процесс с его движением к объективному результату означает формирование и своеобразную мобилизацию личностных качеств ученого, а также создание, использование, приведение в действие целого ряда условий, предпосылок, обстоятельств, механизмов, которые имеют социально-историческую природу» [14, с. 140].

Самоопределение философа существенным образом зависит от глубины его знаний, морально-этических качеств, преданности высоким идеалам науки. Философ призван определить свою позицию, опираясь на научную истину, его интерес должен основываться на гуманистических идеалах и ценностях. Самоопределение связано также с гражданской позицией, с совестью ученого, которая, будучи внутренним механизмом саморегуляции, дает соответствующую оценку поведению, подсказывая философу, совершать или не совершать какое-либо действие. Великие ученые делают открытия потому, что, опираясь на предшествующий опыт, они ставят новые задачи и избирают пути их решения. Мнение Р.Дж. Коллинвуда о том, что по-

становка «вопроса, не имеющего никаких перспектив своего решения, – тяжкий грех в науке» [13, с. 267], в определенное время может быть верным, но не во всех случаях правильным. Многие проблемы были поставлены такими великими философами, как, например, Сократ, И. Кант или Ибн Сина, но не решены ими, постольку соответствующие условия отсутствовали.

Самоопределение также зависит от накопленного опыта и его теоретического осмысления, в результате чего философ может менять свою позицию, выступать за или против какой-то теории, того или иного учения, политического или философского проекта. Изменение отношения к своему предыдущему мнению и его переоценку прежней позиции мы видим у видных философов, в России, например, у А.А. Зиновьева или академика Т.И. Ойзермана.

Так, Зиновьев, став диссидентом, активно выступал против философии марксизма и советского коммунизма, а после ознакомления с западноевропейской и американской действительностью по новому осмыслил ситуацию, став противником горбачевской перестройки и философии либерализма. Ойзерман же, напротив, был верным марксистом. Несколько поколений советских философов читали его фундаментальный труд «Формирование философии марксизма», полагая философское кредо этого мыслителя достойным подражания. Однако в последние годы жизни он стал критически относиться к основополагающим идеям марксизма. Это свидетельствует о том, что на позиции философа отражаются изменения политической конъюнктуры, пропаганда каких-либо учений; в конечном счете многое зависит от осмысления философом своего исследовательского и социального опыта.

На мой взгляд, есть один важный, неоспоримый факт: философ должен быть преданным истине, не поддающимся сиюминутным, заманчивым идеям, чтобы не оказаться в плену ошибочных идеологических и религиозных иллюзий. Примером преданности избранному идеалу служат такие философы, как Сократ, Ибн Сина, Б. Спиноза, Дж. Руми, Л. Фейербах, К. Маркс, А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, Э.В. Ильенков, В.С. Библер, А.М. Богоутдинов и др.

Хочется заметить, что уже некоторые средневековые мыслители мусульманских стран ставили вопрос о совершенствовании и самосовершенствовании человека. Например, такие известные представители суфизма, как Хаким Санаи, Аттор, Дж. Руми, Ибн Араби, А. Джами, Низами, А. Наваи целью своего учения считали совершенствование человека, поднятие его роли в мире. Они проповедовали идеи толерантности, мира, почтения к человеку как

самому ценному творению Бога. Они не были, да и не могли быть атеистами и материалистами, их главная цель состояла в том, чтобы возвысить человека как существо, имеющее божественную природу, и поэтому требовали от правителей не унижать, а уважать его, признавать его достоинство.

Из всего вышесказанного следует, что философ должен быть объективным исследователем и духовным наставником для современников, обладать высокими профессиональными и человеческими качествами, во всех случаях следовать истине и быть гуманистом. Обладая такими духовно-моральными качествами, он может внести свой скромный вклад в общее дело позитивного преобразования мира. Не случайно Г.В.Ф. Гегель, давая оценку позиции Платона, писал, что этот мыслитель: «... проявил величие своего духа в том, что именно тот принцип, вокруг которого вращается отличительная особенность его идеи, и есть та ось, вокруг которой вращалась тогда предстоящее преобразование мира» [8, с. 53].

В.А. Бажанов **«Важна ли операция самоопределения** **для философа?»**

Понятие самоопределения широко используется в политической науке в связи со стремлением некоторых народов к независимости или автономии. Феномен политического самоопределения имеет и философскую составляющую, которая обычно относится к моральной стороне этого процесса [28]. Насколько могут судить, для философии (исключая этику и философию политики) проблема самоопределения находится на периферии рассмотрения [27; 29]. И, тем не менее, иногда эта проблема перед конкретным философом встает во весь рост. Когда возникают такого рода ситуации и относятся ли они к собственно философской деятельности философа?

Полагаю, что наиболее острый характер проблема самоопределения для философа обретает в условиях тоталитарного и/или авторитарного режимов, то есть она имеет отчетливо выраженный политический контекст. Так, в советской философии 1960-1980-х годов фактически были представлены версии уже едва ли не всех ведущих направлений мировой философии – от не- и ортодоксального марксизма до постструктурализма и персонализма [25]. Однако все советские философы были вынуждены официально присягать ортодоксальному марксизму. Марксистские идеи, безусловно, так или иначе проявлялись в их трудах, но открытое «личностное» самоопределение философа, как показывает опыт, в этих условиях было чревато серьезными негативными последствиями.

Вспоминаю эпизод из собственной жизни. В самом начале 1980-х годов я закончил книгу, посвященную проблеме полноты квантовой теории,

и рукопись должна была обсуждаться на кафедре философии Казанского университета. Заведующий кафедрой, «истматчик», защитившийся по специальности «научный коммунизм», человек жесткий, но в целом порядочный, перед обсуждением поинтересовался у рецензентов, не «позитивистский» ли это опус? Они, будучи «диаматчиками», сами уже пострадавшие от «истматчиков» и тем паче от «научных коммунистов», заверили его, что нет. Прошла бы ли кафедру рукопись в противном случае? Смог бы я продолжить свое движение как философ? Боюсь, что вряд ли. Своеобразная мимикрия в данный период была характерна для многих наших коллег, стремившихся сохранить себя в качестве профессиональных философов и внесших заметный вклад в развитие отечественной философской мысли [2].

Ныне в смысле возможностей самоопределения философов иное время. Мало кому есть дело то того, как сейчас «самоопределяется» философ. Возможно, это вызвано тем, что власти сегодня философия (особенно далекая от попыток поиска государственной идеологии) безразлична. Например, я не рискован многим, если причислю себя к условному направлению «постнеокантианцев» и сторонникам биокультурного со-конструктивизма. Сохранится ли эта характеристика лет через сто, если тогда кто-то обратит внимание на мои труды? Сомневаюсь. И вот почему.

Последующим поколениям свойственно пересматривать те характеристики, которые когда-то давались себе активными участниками каких-то событий. Время обнажает детали, не видимые современниками, выносит на поверхность те закономерности, которые не различаются ими.

В конце 1950-х годов ныне высокопочитаемого мыслителя-логики и философа Н.А. Васильева (1880-1940) упрекали в том, что его взгляды «не всегда выдержаны в духе материализма; он испытал влияние кантианства» [20, с. 228]. Это суждение принадлежит крупному историку логики (Н.И. Стяжкин) и одному из ведущих отечественных логиков и философов (В.А. Смирнов). Сейчас такая характеристика показалась бы примитивной. Между тем оценки этих ученых изменялись, в частности, В.А. Смирнов очень много сделал для того, чтобы иначе – уже как новаторские – оценить логические идеи Н.А. Васильева. Лишь консерваторы склонны упорствовать в своих заблуждениях; неконсерваторы же, как правило, пересматривают свои взгляды. Иначе прогресс был бы немислим.

Современники импрессионистов и постимпрессионистов, как ни странно для нас, не замечали единого стиля, характерного для этих направлений. Это стало, однако, очевидным с течением времени.

Поэтому нынешние попытки самоопределения философов как философов могут способствовать

лишь утверждению их сиюминутного статуса. Лишь последующие поколения смогут достаточно четко идентифицировать статус ныне живущих исследователей. Между тем, думается, что гражданское самоопределение наших коллег, которые задумываются о настоящем и будущем России, по-прежнему актуально.

Б.В. Марков
**«Самоопределение философа:
актуальные проблемы»**

Существует несколько проблем, связанных с самоопределением философа, среди которых мне кажутся наиболее важными:

1. Связь философии с национальной культурой и, прежде всего, с вопросом о русской философии. Существует одна универсальная философия, на поле которой трудятся разумные существа или все-таки несколько направлений, выражающих установки того или иного культурного типа (европейского, российского, китайского, арабо-мусульманского, еврейского и др.). Если раньше среди философов преобладали космополитические настроения, то сегодня, напротив, все озабочено поиском корней, причем не обязательно в консервативном призыве к «крови и почве».

2. Другая проблема, связанная с первой и одновременно иницирующая ее, – это кризис метафизики и онтологии как системы абсолютного знания о мире. Он выражается в том, что в наше время попытка нарисовать универсальную картину мира или выразить мировоззрение расценивается в лучшем случае как утопия. Уже разного рода неокантианцы и неогегельянцы занимались не достройкой незавершенных систем И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, а рефлексией их оснований и предпосылок, сравнением возможностей и границ применения. Во всяком случае, XX столетие в философии характеризуется различными поворотами. Теория познания и методология науки, феноменология, герменевтика, структурализм, философия культуры, аналитическая философия языка и сознания, философская антропология и т. д. – все это разновидности методологии, критической философии, сосредоточенной на анализе концептуального аппарата предшествующих философских систем. Ответ на вопрос о том, является философия XX века творческой или только критико-аналитической, важен для самоопределения современных философов: должны ли они продолжать анализ предпосылок философствования или же обязаны предложить нечто позитивное в форме завершенной системы? Я думаю, что отрицать плюрализм в философии уже невозможно. Подобно искусствоведам и деятелям культуры мы должны смириться с многообразием стилей философствования и осознать их аналитику как творческую работу. Но при этом, конечно, нельзя забывать

о синтезе, который может проявляться в подсоединении различных философских программ с целью разработки эффективных техник анализа и решения наших жизненно важных проблем.

3. Наконец, третья важная проблема – это как раз вопрос о технике философствования. Сегодня уже не книги и лекции, не истина и мораль, а медиа формируют как ментальность, так и телесность людей. На место философов, художников и критиков приходят менеджеры в сфере искусства и культуры. Творить уже некогда, да и не нужно, так как предшественниками все уже сказано и написано. Манипулирование цифрами, диаграммами, рейтингами, финансами становится более важным и более высоко оплачивается, нежели способность создавать сами произведения. Претензии философии на подлинность становятся смешными перед лицом циничных требований экономики и эксцессов массового вкуса.

Поскольку техники философствования сложились в рамках книжной культуры, постольку смена медиумов коммуникации ставит философов перед новой проблемой. В условиях «визуального поворота» нам необходимо разрабатывать техники анализа и концептуализации новых медиа.

4. В связи с этим также следует обращать внимание на трансформацию отчуждения. В условиях коммуникативного унижения дискурсы критической теории оказываются снова актуальными. Люди чувствуют, что их оглуляют масс-медиа и протестуют против медийных технологий. Это и есть то новое, что зреет в наши дни. Протест против финансового капитала и монетаристской политики, уважение к труду, честность, справедливость, ответственность постепенно осознаются как главные достоинства общества. В этом направлении следует протестовать против программ и действий, которые ведут к обнищанию и оглушению народов. Пафос нужен в борьбе не против богатства, а против бедности. Прежние формы протеста заменились разного рода перформансами. Изменение общества происходит в форме «бархатных революций». Имея в виду их разрушительные последствия, философам следует поддерживать новые движения молодежи за здоровый образ жизни, крепкую традиционную семью, за сохранение природной среды и безотходное производство. Все-таки предлагаемые постмодернистами субверсивные действия протеста сегодня уже мало кого вдохновляют. В кризисной ситуации хочется немного человеческого порядка.

А.М. Максимов
**«Философствование как атрибут
самоопределения человека»**

Всякий человек «обречен» на решение проблемы самоопределения вне зависимости от того, на

какой ступени культурно-исторического процесса находится общество, к которому он принадлежит. Решая данную проблему, человек, так или иначе, вынужден философствовать. Даже, проживая свою жизнь в условиях родоплеменных отношений, овеянных мифологическим духом, он совершает выбор, приобщиться ли ему к продиктованным жрецом «вечным» моделям поведения, либо быть наказанным, а, возможно, и лишенным жизни. После того, как осуществляется «прорыв» мифопоэтического сознания, философия начинает играть все более значимую роль в самоопределении человека, становясь, в конце концов, неотъемлемым атрибутом его существования. И сегодня очень трудно найти человека, который, самоопределяясь в этом мире, вне зависимости от личного культурно-образовательного уровня, никогда не задумывался бы о взаимоотношениях с окружающим, не касался бы своих смысловых ориентаций. Он, хотя бы, на краткое время, становится философом.

В то же время хотелось бы обратить внимание на то, что, несмотря на позитивные изменения философской составляющей мировоззрения современного человека, проблема его самоопределения не только не утратила своей остроты и значимости, но и обрела новые аспекты, обусловленные влиянием различных социокультурных факторов.

Решение проблемы во многом осложняется многомерностью человека. В этом легко убедиться, если исследовать его самоопределение, руководствуясь широко распространенной точкой зрения, согласно которой человек реализует себя в четырех измерениях: биологическом, психологическом, социальном и космическом. Не секрет, что каждое из этих измерений является, в свою очередь, многомерным образованием. Сложность решения данной проблемы во многом обусловлена и тем, что самоопределение человека осуществляется в не менее многомерной системе общественных отношений, включающей в себя сферы, регулирующие политическую, социальную, экономическую и духовную жизнь общества, которые представляют собой отнюдь не одномерные образования. А если к этому добавить и возрастные периоды развития человека, являющиеся своего рода переломными моментами его самоопределения, то перед нами возникает очень сложный лабиринт. И, соответственно, перед человеком встает вопрос: сможет ли он пройти этот лабиринт, и окажется ли способен установить гармоничные отношения с окружающим миром, не утратив при этом самого себя?

В психолого-педагогической литературе широко представлены различные возрастные периодизации развития человека и довольно подробно прописаны качественные изменения, возникающие во время переходов от одного периода к другому. Однако, в рамках заявленной темы мы не будем останавли-

ваться на их анализе, а лишь слегка коснемся периодизации, нашедшей отображение в педагогической концепции Л.Н. Толстого и представленной в его трилогии «Детство. Отрочество. Юность». В этом произведении великий русский писатель, повествуя о жизненном пути Николеньки Игнатьева, затрагивает, на наш взгляд, проблему самоопределения человека, обусловленного силой его духа. Да и совокупный опыт человечества свидетельствует о том, что в основе всех цивилизационно-культурных достижений лежали духовные составляющие с приоритетами в различные периоды жизни мифа, религии, науки или философии как исторических типов мировоззрения. Интересующая нас философская составляющая при этом всегда присутствует в самоопределении современного человека или социальной общности вне зависимости от доминирования того или иного типа мировоззрения.

Что же касается лиц, посвятивших себя преподаванию философии, служению ей, то, несмотря на порой возникающие обвинения их во всех бедах человечества, они, как правило, остаются счастливыми людьми. Во многом это обусловлено тем, что специфика профессии предполагает непрерывное духовное самосовершенствование. Данная интенция имеет место и поныне, хотя преподаватели вузов страны переживают не лучшие времена: зачастую у них низкая заработная плата, высокая учебная нагрузка, несметное количество рабочих программ, которые нужно постоянно перерабатывать и многое другое, что значительно осложняет их духовный рост.

Несомненно положительной стороной учебного процесса является тот факт, что философия преподается во всех высших учебных заведениях и позволяет молодым людям прикоснуться к миру глубоких духовных сущностей, так или иначе влияющих на их самоопределение. А многомерный мир идей, представленных в различных философских учениях, течениях и направлениях, является той духовной основой, позволяющей, как справедливо отмечает С.Н. Некрасов, выбрать ту философию, которая им нужна [15]. Данный выбор должен помочь студенческой молодежи самоопределиться в этом мире, научиться жить честно, нести истину, добро и справедливость.

Р.Ю. Рахматуллин

«О маркерах философской идентичности»

Современные философы изучают политическую, религиозную, этническую и другие идентичности, но как-то мало интересуются вопросом, кого же можно назвать философом. Например, в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU не удалось обнаружить ни одной статьи по философской идентичности. На самом деле, кто есть философ? Ответить на этот вопрос, казалось бы, несложно:

философ – человек, профессионально занимающийся философией. Или даже более широко: философ – человек, склонный к философствованию. Но всякий, немного знакомый с логическими нормами определения, заметит, что подобные дефиниции тавтологичны: в определяемом и определяющем понятиях нельзя пользоваться одним и тем же понятием. Может быть, нужно исходить из самоидентификации человека: если он считает себя членом множества под названием «философы», тогда он есть философ? Но всякий ли, считающий себя великим целителем, таковым является? Я знал человека, который регулярно посещал семинар по онтологии в Башкирском государственном университете, задавал примитивные вопросы каждому докладчику, сидел в читальном зале университета со стопкой книг по философии, но его философская подготовка не превышала уровень знаний студента-троечника. Тем не менее, он считал себя философом. Он – философ?

При определении философской идентичности можно, конечно, исходить из формального признака – если в дипломе об образовании человека написано «философ», то он философ. А если в дипломе об образовании написано «физик», как, к примеру, у основателя философского факультета Уральского университета и его первого декана М.Н. Руткевича? А бывает и так, что имеющий диплом философа занимается делами, далекими от философии. Так, сын моего друга, известного философа окончил философский факультет, аспирантуру по философии, но не стал защищать диссертацию и ушел в журналистику, которой успешно занимается и сейчас. Более того, существуют люди, имеющие даже степень доктора философских наук (например, В.В. Жириновский, Г.А. Зюганов), но не являющиеся философиями.

Думается, вопрос о самоидентичности философа тесно связан с пониманием предмета философии. Но здесь нас ожидают еще более сложные проблемы. Дело в том, что философия существует как множество философий. К такому пониманию философии, высказанному Г. Мартином, пришел на склоне лет и Т.И. Ойзерман [17]. Например, Ф. Энгельс считал главным делом философа исследование наиболее общих вопросов развития природы, общества и познания. Но в этом случае даже И Канта и Г.В.Ф. Гегеля нельзя считать полноценными философиями: первый сводил философию к эпистемологическому конструктивизму, отказываясь от решения натурфилософских проблем, а второй считал ее главной задачей исследование саморазвития несуществующей (с точки зрения классиков марксизма) Абсолютной идеи. И можно только догадаться, какими ругательными словами обзывал бы В.И. Ленин философию П. Фейерабенда или Ж. Дерриды!

Тем не менее, можно хотя бы контурно очертить границы философской идентичности. Первое, что бросается в глаза при знакомстве взглядов различ-

ных мыслителей на предмет философии, это то, что многие особо выделяют такую особенность философского знания, как его *всеобщезначимый характер*. Общезначимость философских идей заключается в том, что они актуальны независимо от времени: взгляды Платона ныне не менее актуальны, чем эпистемология Т. Куна или К. Поппера. Направленность философии на генезис и развитие общезначимых идей во многом вытекает из того, что она стремится к максимальному обобщению достижений духовной культуры. Поэтому она есть и мета-физика, и мета-религия, и мета-искусство, и мета-логика, и мета-право, и мета-лингвистика и т. д. Размышляя над проблемами этих сфер, философ пытается дойти до первопричины, общего основания. В одном случае таковой оказывается вода (Фалес), в другом – идея-эйдос (Платон), в третьем – априорные формы чувственности и рассудка (Кант).

Из общезначимости философских идей вытекает их *мировоззренческий статус*. Мировоззрение можно охарактеризовать как совокупность убеждений человека. Философские убеждения составляют сердцевину его мировоззрения, с их сменой меняются и политические, и научные, и религиозные, и нравственные взгляды личности. Кардинальное изменение философских взглядов человека можно рассматривать как смену его личности.

Важным маркером философской идентичности является *критичность*. Р. Декарт считал важнейшим качеством успешного философствования приверженность к сомнению. Например, сомнение в объективности знания привели к появлению большого количества новых философских учений, от античного скептицизма до радикального конструктивизма.

Многие философы в качестве маркера философской идентичности указывают на ее *научность*. Например, Т.И. Ойзерман считал научность важнейшим атрибутом философского знания. Но еще в конце 1980-х годов А.Л. Никифоров выступил с заявлением, что философия не наука [16]. Кто прав? Думается, что нужно исходить из того, о какой философии идет речь. Если это аналитическая философия, то она, конечно же, научна. Но работы С. Кьеркегора или А. Камю, в которых главным средством передачи смысла являются художественно-образные средства, научными никак не назовешь. Поэтому к философии в целом, как к совокупности *разных* философских учений, маркер научности не подходит [21].

И.А. Беляев

«Богочеловеческое и человекобожеское в самоопределении философа»

Речь пойдет о подлинных мыслителях, философах-исследователях, в число которых входят только те, «кто любит усматривать истину» [18, с. 255], кто посвятил себя постижению и обретению смыслов,

выдвижению новых идей и обоснованию их права на существование. Тех же, кто заполнил свою память большим количеством сведений из истории философской мысли и добросовестно транслирует их в процессе преподавательской деятельности (замечу, что в наши дни в позитивной социальной значимости практики профессиональной самореализации такого рода особо сомневаться не приходится), а в отчетах о «научной работе» указывает свои статьи с названиями типа «Философ X о проблеме Y», последующие рассуждения не касаются.

«Я знаю только то, что ничего не знаю» [19, с. 693], «Гордость людей низких состоит в том, чтобы постоянно говорить о самом себе, людей же высокие – чтобы вовсе о себе не говорить» [1]... Подлинным мыслителям, являющимся нашими современниками, хорошо известны эти и другие подобные афоризмы мудрецов разных времен и народов, задающие основные параметры философского мироотношения. И они, подобно своим выдающимся предшественникам, относятся к себе и всем остальным «должным образом», никому, по возможности, не раскрывая некоторые существенные детали своего представления о том, «кто есть кто». Исключение здесь, конечно же, встречаются, но крайне редко...

Поиск истины, осуществляемый философом, являет собой нескончаемую череду творческих актов, требующих предельного напряжения духовных сил и, при достижении искомого результата, приносящих удовлетворение совершенным, радость от подтверждения собственной интеллектуальной незаурядности, а иногда – и ощущение счастья. В этом, скорее всего, едины все те, кто действительно имеет право называться философом-исследователем. Причем, с одной стороны, самоопределение каждого из них и при «усмотрении истины», и в подавляющем большинстве иных жизненных ситуаций несет на себе печать индивидуальности, хотя, с другой стороны, вариативность ключевых характеристик данного процесса невелика.

Рискну заявить, что философы-исследователи, при всем многообразии присущих им теоретических и методологических ориентаций и иных профессионально важных признаков, в своем самоопределении с высокой степенью вероятности могут пойти по одному из двух возможных путей его осуществления. Первый из путей допустимо именовать богочеловеческим, второй – человекобожеским. Основания выбора именно этих наименований явились общеизвестные теоцентрические представления о божественном творце и о человеке как его сотворце, приближающемуся к богоподобию посредством созидания нового. Кроме того, был учтен опыт использования соответствующих и близких им терминов в религиозной философии [5; 6 и др.] и классической литературе [10; 11 и др.].

Стоит уточнить, что в процессе самоопределения философствующего индивида, вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств, в той или иной степени присутствует и богочеловеческое и человекобожеское содержание. Соответственно между вариантами однозначного доминирования в нем богочеловеческого или же человекобожеского обнаруживается множество промежуточных вариантов. Однако, надо полагать, едва ли не во всех конкретных ситуациях этот процесс будет характеризоваться тяготением к одному из альтернативных путей своего осуществления. Поэтому далее при рассмотрении обсуждаемого процесса внимание фокусируется на его идеальных типах.

Специфика мироотношения философа, в самоопределении которого доминирует богочеловеческое содержание, состоит в гордости, то есть концентрированном чувстве собственного достоинства, тесно сопряженным с упоительным ощущением приобщенности к мудрости и предчувствием новых открытий.

Философ, избравший богочеловеческий путь самоопределения, гордится собственным интеллектуально-творческим потенциалом, уровень которого позволяет обращаться к нерешенным проблемам едва ли не любой сложности и продуктивно вести их разработку. Этот философ видит в себе и своих коллегах исследователей, отдающих все имеющиеся силы поиску истины. К его характерным чертам следует отнести осторожность, сдержанность, деликатность при оценивании как себя, так и всякого иного философа. Уважая себя, он уважает других. Стараясь как можно надежнее укорениться в среде себе подобных, он проявляет интеллектуальное смирение, деятельное признание права каждого мыслящего индивида на самостоятельность в познании мира, человека и соотношения между ними. Вместе с тем ему свойственна и интеллектуальная открытость, выражающаяся, в частности, в стремлении понять других и оказать посильную помощь всем тем, кто в ней действительно нуждается.

Атрибутом мироотношения философа, в своем самоопределении идущего по богочеловеческому пути, является гордыня. Своим основным содержательным наполнением – чувством собственного достоинства – и его внешними проявлениями гордыня похожа на гордость, но, по сути, они различны. Если гордость – это чувство, базирующееся исключительно на объективных основаниях, то гордыня представляет собой чувство, основания которого в чем-либо иллюзорны, а оно само при этом доведено до непомерной степени и сопряжено с эгоцентризмом.

Движимому гордыней человекобожески самоопределяющемуся философу свойственно непреходящее чувство обладания мудростью, порождающее самодовольство, самоуспокоенность и интеллек-

туальную заносчивость. Также у него отсутствует интерес к чужим идеям, которые, как он априори полагает, либо банальны, либо несостоятельны. К себе как познающему субъекту он относится восторженно, трепетно, к другим – снисходительно, порой сочувственно. В его мироотношении сочетаются склонности к интеллектуальной сегрегации окружающих и к самовозвышению, более или менее явственно осознаваемому «построению пьедестала самому себе».

Г.Л. Тульчинский

«Философия как этос и самоопределение»

Сами философы упорно расценивают свое занятие как отрасль знания, а то и науки. По крайней мере, защищают диссертации на соискание ученых степеней кандидата, а то и доктора наук, получают научные звания доцентов и профессоров, почетные звания «деятелей науки». Между тем общеизвестно, что по мере формирования науки, все большей специализации научных дисциплин, нарастали напряжения в отношениях науки и философии. Между ними сложились взаимно-подозрительные, если не взаимно-ревнивые отношения. То философия, вспоминая о былом «матери всех наук», «науки наук», начинала поучать свое любимое, но своенравное чадо, то пыталась сама принять вид науки, вызывая этими попытками придать себе статус научности и даже науки наук небезосновательный скепсис и иронию научной общественности. Но и наука постоянно демонстрирует своеобразный «эдипов комплекс», вновь и вновь низвергая философию, получая на развалинах ее варианты, причем не всегда лучшие.

Ситуация приобретает особенно причудливый характер при сравнении философского этоса с научным, который суть свод правил совместной деятельности, таких, как объективность, проверка экспериментом, математическим расчетом. Вне таких принципов научная коммуникация и аргументация утрачивают всякий смысл. Философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям – в лучшем случае, по эпохам и культурно-этническим факторам. Очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга – ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Но, будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия – как осмысление мира, человека и его места в мире – связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? что такое человек? что происходит в момент смерти? почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. В своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще. Но смысл слова уясняется из контекста предложения. Смысл предложения – из контекста текста. Аналогично философское осмысление – выход в контекст этого мира и этой жизни. Философы – «не от мира сего». Из этого следует, что философия, в принципе не является и не может быть наукой в смысле science, где предметы можно увидеть, потрогать пальцем, изучить с помощью специальных приборов. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой? Его первопричину?

Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-первых, будучи предельным осмыслением, философия есть свобода выбора «точки вневходимости» как позиции для осмысления, индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Зачастую эта индивидуально неповторимая позиция приходит в резкое столкновение с общепринятыми нормами, а то и сознательно им противопоставляется. Поэтому архетипичной фигурой философа на все времена стал Сократ, вынужденный по решению суда выпить яд, а для отечественной философии – П.Я. Чаадаев, высочайшим повелением объявленный умалишенным.

Во-вторых, в силу реализации, поиска, нахождения и утверждения человеком самого себя – конечного существа – в бесконечном мире, философия оказывается индивидуально неповторимым осмыслением действительности. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание – всякая философия, так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни – обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

В-третьих, осмысление мира в целом, на которое претендует философ, выводит его в контекст этого мира. Поэтому философ – личность не от мира сего, занимающая позицию вне этого мира и только так получающая возможность понять и судить этот мир. Следствием чего и является своеобразное отношение к философам и философии. С одной стороны, они – что-то вроде юродивых, блаженных не от мира сего. А с другой – вечно виноватые. Не важно, что их никто никогда не слушал – если что-то в жизни идет не так, то виноватыми в этом оказываются прежде всего именно философы, «учителя жизни», которые, оказывается, учили не тому и не так.

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философство-

вание как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это – в-четвертых. Сколь бы не стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» – как говорил М.М. Бахтин [4]. И философия – не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Как всякое рациональное осмысление, она есть позднейшая рационализация пройденного пути, объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект – не более. Но и не менее.

И, в-пятых, в силу всего предыдущего, философствование должно располагать и располагает богатой палитрой выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Спектр способов философствования широк: паремии и афоризмы, притчи и басни, повести и романы, логически выстроенные системы. Но общее требование к ним с точки зрения философского этоса – претензии на исчерпывающее осмысление.

Извне, с позиции непосвященного, философствование иногда выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным – как само это бытие – способом реализации свободы самоопределения.

С.Н. Некрасов **«Самоопределение философии:** **чтение и импутация»**

Философ всегда самоопределяется, тем самым его философия ставится в позицию либо отражения мира, либо конструирования мира, либо чтения как синтеза отражения и конструирования. Когда я в 1969 г. как первокурсник пришел на первую лекцию по диалектическому материализму, наш лектор, декан философского факультета УрГУ профессор М.Н. Руткевич заявил: за окном существует объективная реальность, а в нашей голове – субъективная, которая отображает объективную в понятиях и образах. Ничего кроме этого содержания он нам не сможет сообщить ни в дважды изданном фундаментальном учебнике, ни во всей уникальной и тщательно построенной им пятилетней программе подготовки философов. В том же семестре профессор издал книгу по ленинской теории отражения. Тогда мне казалось, что теория отражения, как и единство мира заключается в его материальности и, что оно, говоря словами классика, доказывается путем долгого и медленного развития философии и естествознания, но по прошествии полувека вы-

яснилось, что эта теория во многом строится на амбивалентном марковом образе переворачивания – процесса, экспериментально подтвержденного физиологами как экспонирования изображения на сетчатке глаза. Сама философия переворачивания строится на основе фейербахианской концепции религии как отчужденной рефлексии реальности и объясняет модель превращения и идеологического искажения.

В христианстве, учил Л. Фейербах, субъект и предикат перевернуты, а в реальности человеческие существа являются субъектами, которые проецируют на божества свои собственные атрибуты, свои человеческие предикаты, причем божество всегда воспринимается как субъект, предикатами которого являются индивиды. Эта модель инверсии включает обмен между субъектом и предикатом, что завершается построением божественного субъекта, имеющего человеческие предикаты для людей. Следуя за Фейербахом, К. Маркс ставит вещи с головы на ноги и полагает, что религия является парадигмой превращенного отражения реальности. Образ переворачивания лежит в основе марксовской концепции идеологии и распространяется на всю сферу идеологических конструкций. Такая негативная концепция идеологии понимает ее как устройство превращения реальной жизни. И главная оппозиция у молодого Маркса здесь – не между наукой и идеологией, но между реальностью и идеологией. А, как известно в духе модели О. Конта, идеология как превращенное отражение проходит три стадии развития: теологическую, философскую и позитивную научную.

Концепция идеологии подстерегает каждого самоопределяющегося философа: в теориях социального познания как отражения и феномен идеологии непрерывно расширяется, захватывая вслед за религией, немецкий идеализм, затем всю донаучную общественную мысль, позитивистскую социологию и философию, гуманистические концепции индивида. В результате все сознание и бессознательное становится идеологическим, что не соответствует ни замыслу Маркса, ни реальности, ни проекту З. Фрейда. То же случается и в постструктурализме – все превращается в дискурс и в идеологию, а наука оказывается узким сектором специфического дискурсивного построения знания, ориентированного на истину.

Теперь к утверждению Руткевича полувековой давности можно добавить, что более базовой является внутренняя связь между двумя функциями философии и идеологии – изображением и искажением. В этой связи могут быть и отражение, и конструирование, и чтение. Эти функции проявляются при авторском самоопределении, когда в работе автора выясняется, кто он: ученый, конструктор или творец новой и более человеческой реальности.

Существует другая традиция самоопределения как познания – чтение. Не столь давно мне удалось обнаружить в марксизме важную попытку чтения семиотических систем, принадлежащую молодому Ф. Энгельсу [24]. Эта попытка до сих пор не описывалась – она просто не замечалась, поскольку отсутствовало представление о возможности существования в XIX в. проблематики понимания социальных систем как семиотических систем. Речь идет о чтении Энгельсом прекрасно знакомого ему по известным обстоятельствам жизни Манчестера.

В читаемой Энгельсом системе имеется надстроечное и базисное образование, используется эпистемологическая модель истины, скрытой подобно сущности за внешним проявлением, и все же представленной на поверхности в отчужденной вторичной форме. Целый город является семиотической системой: разделение между кварталами рабочего класса и районами высшей и средней буржуазии оказывается чертой, разделяющей подавленное означаемое и господствующее означающее, а их отношение оказывается отношением ложной репрезентации. Но это деление выступает, все же, как деление двух блоков означающих (в которых один относится к целому, а другой репрессирован), ибо рабочие кварталы не являются ни глубинной структурой, ни истиной города, рождающей поверхностные явления структуры.

Два типа кварталов – лишь части семиотической системы, которая невидима для «глаз и нервов буржуазии». «Чтение ногами» города вписывает индивида (Энгельса как читателя) в систему в соответствии с тремя возможными позициями: буржуазный читатель, утверждаемый городом как универсальный субъект; пролетарский читатель (не субъект); теоретический читатель, производящий структурное чтение отношения между частями системы и относящий систему к известной ему детерминирующей системе классовых отношений. Позиции чтения семиотических систем не возложены заранее на индивидов (они потенциальны), а позиция теоретического чтения не является фиксированной классовой позицией – она может быть использована как в революционной практике, так и против нее. Иначе говоря, выбор стратегии чтения и есть самоопределение.

Чтение систем не так просто, как может показаться, и анализ Энгельса включает основные материалы и моменты эмпирицистского чтения: отношение между поверхностным и скрытым, видимым и невидимым, волей и случаем. Углубляясь, отметим, что объективно возникают две научные, а значит, философские стратегии чтения: стратегия интерпретирующая (третья позиция Энгельса) и стратегия читающая сами детерминанты чтения, то есть выявляющая классовые интересы. Чтение этих интересов предполагает самую сложную мы-

слительную и идентифицирующую операцию самоопределения философа – операцию импутации, то есть отнесения идей и того или иного устройства мира к их социальным основаниям и классовым интересам. Отсюда и две концепции самоопределения. Концепция, производимая второй стратегией, касается не выражения в мыслях классовой позиции, но результатов выявления системы означения. Казалось бы, различие двух стратегий следует отнести к конфликтующим эпистемологическим посылкам, однако на самом деле речь идет о различии онтологий, то есть самой реальности.

Социальность не сводится к симулякрам, а представляет такую чувственно-сверхчувственную реальность, которую и предстоит читать философам в процессе их самоопределения в диапазоне восприятия и понимания всего «слишком человеческого» и «нечеловеческого».

А.И. Столетов

«Самоопределение философии в эпоху второго «осевого времени»

Размышляя о проблеме самоопределения философа или самоопределении философии, нельзя не вспомнить, что вся история философии представляет собой попытку самоопределения, и трудно найти философа, который не предлагал бы свое понимание философии и философствования. Уже в самом начале можно было бы пойти по наиболее простому пути и сформулировать определение философа как человека, использующего мышление с целью самоопределиться, а философию как поиск границ философского поля. И хотя бывает, что простые решения и ответы далеко не самые худшие, не будем останавливаться на этих определениях, а попробуем зайти несколько дальше.

Возможно, кое-что нам поможет прояснить происхождение философского сознания, его «генетическая память». Философское мышление, начавшееся с удивления (это заметил еще Аристотель) от того, что мир не таков, каким его рисовал миф, в переломную для культуры эпоху «осевого времени», если применять термин, предложенный К. Ясперсом, попыталось заполнить пробелы, заштопать дыры, возникающие в результате распада мифа. Другими нитями, которое человечество «изобрело» для этого, были наука и монотеистическая религия. И сегодня, спустя две с половиной тысячи лет, мы видим, что по отдельности они оказались не в состоянии справиться с задачей, мир «расползается». Мы оказались в ситуации нового «осевого времени». Философия ощущается более не нужной на фоне успехов научного знания. Как заметил С. Хокинг, один из самых популярных физиков современности, философия связана с постановкой фундаментальных проблем мироздания, природы реальности и человека, «но сейчас она мертва. Она

не поспевает за современным развитием науки, особенно физики. Теперь исследователи, а не философы держат в своих руках факел, освещающий наш путь к познанию» [23, с. 9]. И в этом утверждении есть некоторая доля истины. Что же остается философии в ситуации, когда в современной культуре все так переплелось, что философское мышление обращается к научному знанию, научное мышление посягает на традиционно философские области и проблематику, границы отодвигаются и размываются, а логос, родившийся на развалинах мифа, разрушаясь, порождает симулякр?

То, что философия зародилась в пограничной для культуры ситуации и оказалась на грани распада в наши дни, показывает, что ее самоопределение сегодня может быть связано с пограничностью, поиском границы и выходом за ее пределы. Ф.И. Гиренок, например, полагает, что философа сегодня должны интересовать не основания существующего, а пределы возможного. И поскольку на пределе качество меняется, то в пространстве предела мышление приобретает не понятийный, а парадоксальный характер [9]. Так, разум, всегда лежавший в основании философии, обнаруживает сегодня свою «темную сторону», превращаясь из блага в источник чудовищной опасности. Да и само прежнее понимание разума и его границ оказываются под вопросом во многом благодаря самому разуму [7; 12]. Если, по меткому замечанию Р. Барта, смертью автора приходится оплачивать рождение читателя [3], а смертью текста – рождение гипертекста, мы выходим к вопросу о том, рождение чего оплачивает «смерть разума», вступающего в противоречие с мышлением. Эту трагедию разума можно уподобить сизифовой невозможности закатить камень на вершину горы, особенно, если вершина горы все время отодвигается.

Экзистенциальное напряжение нового «осевого времени», исход которого пока не прояснен, возможно, наилучшим образом описывает характерное для современного философа состояние самоопределения как открытость экзистенциальной комму-

никации в том ее понимании, как это присутствует, например, у Ясперса [26]. Представляется важным, что эта открытость парадоксально сочетает в себе как разумный характер устремления к истине, так и эмоциональный характер переживания и сопереживания бытия и события. Такое сочетание придает философскому мышлению необходимый импульс, динамику трансценденции, выталкивающей философа к пределам возможного, где только и обретается экзистенциальная коммуникация, полилог с самим собой, другой личностью, миром и Богом.

Поэтому, говоря о проблеме самоопределения философа и философии, можно сказать, что философ – это тот, кто сегодня, достигая пространства предела (или фактически обнуляя себя), оплачивает этой «смертью» негарантированное рождение экзистенциальной коммуникации. А философия представляет собой попытку выразить то, что выразить невозможно и осуществить то, что парадоксально кажется неосуществимым – экзистенциальную коммуникацию. И этим философия отличается от науки, которая не воспринимает экзистенциальной коммуникации; от религии, которая не нуждается в ее выражении.

Исследователи, принявшие участие в обсуждении проблемы самоопределения философа, представили результаты своих размышлений, внешние различия между которыми вполне очевидны. Не менее очевидным является и глубокая внутренняя связь идей, содержащихся в авторских материалах. Эти идеи перекликаются между собой, порождая в сознании компетентного читателя картину самоопределения философа, сочетающую в себе как общие черты этого процесса, так и уникальные, что обусловлено влиянием самых различных факторов. Совокупное содержание материалов круглого стола, как полагают его участники, представляет собой один из множества шагов, которые стоит совершить философскому сообществу, стремящемуся к осознанному осуществлению самоопределения.

Литература

1. Афоризмы Вольтера [Электронный ресурс] / Афоризмы на все случаи жизни. – Режим доступа: <http://пишем.рф/author/Volter/?curPos=260> 18.11.2018 (дата обращения: 18.11.2018).
2. Бажанов В. А. Постсоветский марксизм в советскую эпоху: деятельностный подход к анализу науки / В. А. Бажанов // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2018. – № 3. – С. 137–152.
3. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 384–391.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. – М.: Изд-во «Русские словари»; Изд-во «Языки славянской культуры», 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – С. 7–68.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Харьков: «Фолио»; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 15–334.
6. Булгаков С. Н. Религия человекобожия у русской интеллигенции // Булгаков С. Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 248–299.

7. Вааль Ф. де. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / Ф. де Вааль. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. – 404 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.
9. Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе / Ф. И. Гиренок. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. – 235 с.
10. Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трех частях // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1974. – Т. 10. – 519 с.
11. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. – 511 с.
12. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – Киев: «София»; М.: ИД «София», 2003. – 336 с.
13. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
14. Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма / Н. В. Мотрошилова. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
15. Некрасов С. Н. Какая философия нам нужна / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Издательство УрГ-СХА, Уральское изд-во, 2009. – 540 с.
16. Никифоров А. Л. Является ли философия наукой? / А. Л. Никифоров // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 52–62.
17. Ойзерман Т. И. Размышления. Изречения / Т. И. Ойзерман. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 216 с.
18. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
19. Примечания // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 682–842.
20. Смирнов В. Васильев Н. А. / В. Смирнов, Н. Стяжкин // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. – 1960. – Т. 1. – С. 228.
21. Рахматуллин Р. Ю. Философия в бакалавриате: приглашение к дискуссии / Р. Ю. Рахматуллин // Профессиональное образование в современном мире. – 2013. – № 3 (10). – С. 28–34.
22. Тульчинский Г. Л. Честное философствование / Г. Л. Тульчинский, В. В. Миронов, Б. В. Марков, Р. Ю. Рахматуллин, А. М. Максимов, В. А. Бажанов, И. А. Беляев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 12. – С. 68–76.
23. Хокинг С. Высший замысел / С. Хокинг, Л. Млодинов. – СПб. Амфора, 2013. – 208 с.
24. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 2. – С. 231–517.
25. Эпштейн М. Об основных конфигурациях советской мысли в постсталинскую эпоху / М. Эпштейн // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд / Под ред. В. А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 73–89.
26. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / К. Ясперс. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 448 с.
27. Macioce, F. What Can We Do? A Philosophical Analysis of Individual Self-Determination / F. Macioce. // Eidos. – 2012. – Issue 16. – pp. 100–129.
28. Margalit, A. National Self-Determination / A. Margalit, J. Raz // The Journal of Philosophy. – 1990. – Vol. LXXXVII. – pp. 439–461.
29. Pink, Th. Action and Self-Determination /Th. Pink // Intellectica. – 2003. – Vol. 36 – 37. – pp. 247–259.

Reference

1. *Aforizmy Vol'tera* [Voltaire Aphorisms]. Available at: <http://pishhem.rf/author/Volter/?> CurPos = 26018.11.2018 (accessed 11.18.2018) (In Russ.)
2. Bazhanov, V.A. (2018) [Post-Soviet Marxism in the Soviet era: an activity approach to the analysis of science]. *Epistemology & Philosophy of Science* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 3, pp. 137–152. (In Russ.)
3. Bart, R. (1994) *Smert' avtora* [Death of the author]. Moscow: Publishing group «Progress», «Univers», pp. 384–391.
4. Bakhtin, M.M. (2003) *K filosofii postupka* [To the philosophy of action]. Moscow: Publishing house «Russian dictionaries»; Publishing house «Languages of Slavic culture», pp. 7–68.
5. Berdyayev, N.A. (2002) *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of justifying a person]. Kharkov: «Folio»; Moscow: LLC Publishing House AST, pp. 15–334.
6. Bulgakov, S.N. (1997) *Religiya chelovekobozhiya u russkoy intelligentsii* [Religion of man-worship in the Russian intelligentsia]. Saint Petersburg: RHGI, pp. 248–299.

7. Baal, F. de. (2016) *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zivotnykh?* [Are we smart enough to judge the mind of animals?]. Moscow: Alpina Non-fiction, 404 p.
8. Hegel, G.V.F. (2010) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Thought, 526 p.
9. Girenok, F.I. (2010) *Udovol'stviye myslit' inache* [Pleasure to think differently]. Moscow: Academic project; The World Foundation, 235 p.
10. Dostoevsky, F.M. (1974) *Besy: Roman v trekh chastyakh* [Demons: A novel in three parts]. Leningrad: Science, Vol. 10, 519 p.
11. Dostoevsky, F.M. (1976) *Brat'ya Karamazovy: Roman v chetyrekh chastyakh s epilogom* [The Karamazov Brothers: A novel in four parts with an epilogue]. Leningrad: Science, Vol. 14, 511 p.
12. Capra, F. (2003) *Pautina zhizni. Novoye nauchnoye ponimaniye zhyvykh sistem* [Web of life. New scientific understanding of living systems]. Kiev: «Sofia»; Moscow: PH «Sophia», 336 p.
13. Collingwood, R.J. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of the story. Autobiography]. Moscow: Science, 485 p.
14. Motroshilova, N.V. (1976) *Nauka i uchenyye v usloviyakh sovremennogo kapitalizma* [Science and scientists in the conditions of modern capitalism]. Moscow: Science, 256 p.
15. Nekrasov, S.N. (2009) *Kakaya filosofiya nam nuzhna* [What philosophy do we need]. Ekaterinburg: Ural State Agricultural Academy Publishing House, Ural Publishing House, 540 p.
16. Nikiforov, A.L. (1989) [Is philosophy a science?]. *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences]. Vol. 6, pp. 52–62. (In Russ.)
17. Oizerman, T.I. (2013) *Razmyshleniya. Izrecheniya* [Reflections. Sayings] Moscow: Languages of Slavic culture, 216 p.
18. Plato, (1994) *Gosudarstvo* [State] Moscow: Thought, Vol. 3, pp. 79–420.
19. Plato, (1990) *Primechaniya* [Notes]. Moscow: Thought, Vol. 1, pp. 682–842.
20. Smirnov, V., Vasiliev, N.A. (1960) *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Soviet encyclopedia, Vol. 1, pp. 228.
21. Rakhmatullin, R.Yu. (2013) [Philosophy in undergraduate: an invitation to the discussion]. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennoy mire* [Professional education in the modern world]. Vol. 3 (10), pp. 28–34. (In Russ.)
22. Tulchinsky, G.L. (2017) [Honest Philosophy]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. Vol. 12, pp. 68–76. (In Russ.)
23. Hawking, S. (2013) *Vysshiy zamysel* [Higher Intent]. Saint Petersburg. Amphora, 208 p.
24. Engels, F. (1955) *Polozheniye rabochego klassa v Anglii* [The Situation of the Working Class in England]. Moscow: State publishing house of political literature, Vol. 2, p. 231–517.
25. Epshtein, M. (2014) [On the basic configurations of Soviet thought in the post-Stalin era]. *Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroy poloviny KHKH v.: sovremennyy vzglyad* [Problems and discussions in the philosophy of Russia in the second half of the twentieth century: a modern view]. Moscow: ROSSPEN, pp. 73–89. (In Russ.)
26. Jaspers, K. (2012) *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetleniye ekzistentsii* [Philosophy. Book two. Enlightenment of Existence]. Moscow: «Canon +» ROOI «Rehabilitation», 448 p.
27. Macioce, F. (2012) What can we do? Philosophical Analysis of Individual Self-Determination. *Eidos*. Issue 16, pp. 100–129. (In Engl.)
28. Margalit, A. (1990) National Self-Determination. *The Journal of Philosophy*. Vol. LXXXVII, pp. 439–461. (In Engl.)
29. Pink, Th. (2003) Action and Self-Determination. *Intellectica*. Vol. 36–37, pp. 247–259. (In Engl.)

Информация об авторах:

Кароматулло Олимов, доктор философских наук, вице-президент Академии Наук Республики Таджикистан, председатель Отделения общественных наук, академик, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан
e-mail: olimovk_2007@mail.ru

Валентин Александрович Бажанов, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия
e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Борис Васильевич Марков, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: b.markov@spbu.ru

Александр Михайлович Максимов, доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Рафаэль Юсупович Рахматуллин, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: rafat54@mail.ru

Игорь Александрович Беляев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Оренбургский государственный университет, **ORCID ID:** 0000-0003-4072-2342, **Researcher ID:** E-7026-2016, Оренбург, Россия
e-mail: igorbelyaev@list.ru

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
e-mail: gtul@mail.ru

Станислав Николаевич Некрасов, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия
e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Анатолий Игоревич Столетов, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: aistoletov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 28.02.2019; принята в печать 08.04.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Karomatullo Olimov, Doctor of Philosophy, Vice-president of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Chairman of the Department of Social Sciences, Academician, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

e-mail: olimovk_2007@mail.ru

Valentin Alexandrovich Bazhanov, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Boris Vasilievich Markov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophical Anthropology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

e-mail: b.markov@spbu.ru

Alexander Mihailovich Maksimov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia

e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Rafael Yusupovich Rakhmatullin, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

e-mail: rafat54@mail.ru

Igor Aleksandrovich Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Orenburg State University, **ORCID ID:** 0000-0003-4072-2342, **Researcher ID:** E-7026-2016, Orenburg, Russia

e-mail: igorbelyaev@list.ru

Grigory L'vovich Tulchinsky, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

e-mail: gtul@mail.ru

Stanislav Nikolaevich Nekrasov, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Anatoly Igorevich Stoletov, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

e-mail: aistoletov@gmail.com

The paper was submitted: 28.02.2019.

Accepted for publication: 08.04.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.